

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.1-129-144

УДК 130.2:159.923.2

Европейские утопии XVII века: в поисках моделей социального порядка

Козлова Наталия Николаевна,

доктор политических наук, доцент,

заведующая кафедрой политологии

Института экономики и управления Тверского государственного университета,

Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33

ORCID: 0000-0003-1212-6412

Scopus Author ID: 56446454300

ResearcherID D-5405-2019

SPIN-код: 6273-0895

tver-rapn@mail.ru.

Рассадин Сергей Валентинович,

кандидат философских наук, доцент,

доцент кафедры политологии Тверского государственного университета,

Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33

ORCID: 0000-0002-3478-0792

Scopus Author ID: 56518236300

ResearcherID AAS-7665-2021

SPIN-код: 7952-3904

s_r08@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются европейские утопии XVII века на основе акторно-сетевого подхода. Точкой сборки утопического общества является непосредственно идея социального порядка, который формируется на основе научного знания, воплощающего инструментальный разум. Изучение человека, обществ, природных явлений позволяет авторам утопий предложить более рационально организованный, упорядоченный, с их точки зрения, социальный мир, обеспечивающий удовлетворение потребностей как индивида, так и социума. Основанный на научном знании социальный порядок мыслится авторами утопий как маркер цивилизованности, благодаря чему утопическое общество как другое («чужое») социальное наделяется позитивными характеристиками. Авторы считают, что конструирование утопического «социального» происходит в рамках замкнутой в пространстве и во времени сети, которая предотвращает угрозу распада порядка, изолируя культурное влияние извне, а также гарантируя неизменность/стабильность заданного алгоритма социальных отношений в хронологической перспективе. Авторы выявляют функционирование в утопиях режима воспроиз-

водства повседневности, исключая мобилизационность и ориентирующей жителей утопии на ценности повседневного труда, умеренности и гармонии. В статье показано, что конструирование общества на основе научных знаний предопределяет особенности социальной стратификации в виде меритократии знания, легитимизированной естественной религией. Авторы полагают, что «сборка социального» на основе эгалитарных принципов распространяется преимущественно на экономические процессы, тогда как публичная сфера обозначается в форме аристократии умственного труда. Экспертное сообщество осуществляет тотальную регламентацию деятельности архаических/примитивных по своему характеру социальных институтов. Собранные модели утопического общества их авторы мыслят как универсальные, потенциально пригодные для всех сообществ, испытывающих проблемы с построением социального порядка.

Ключевые слова: утопия, социальный порядок, научное знание, конструирование общества, общественный идеал, социальная инженерия.

European Utopias of the XVII Century: In Search of Models of Social Order

Nataliya Kozlova,

Dr. Sc. (Politics), Associate Professor

Head of the Political Science Department, Tver State University,

33 Zhelyabova Street, Tver, 170100, Russian Federation;

Professor, Department of Political Science and Applied Political Work,

Russian State Social University,

4 building 1, Wilhelm Pieck Street, Moscow, 129226, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-1212-6412

Scopus Author ID: 56446454300

ResearcherID D-5405-2019

SPIN-код: 6273-0895

tver-rapn@mail.ru

Sergei Rassadin,

Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor.

Associate Professor of the Political Science Department, Tver State University,

33 Zhelyabova Street, Tver, 170100, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-1212-6412

Scopus Author ID: 56518236300

ResearcherID AAS-7665-2021

SPIN-код: 7952-3904

s_r08@mail.ru

Abstract

The article analyzes the European utopias of the XVII century on the basis of the actor-network approach. The assemblage point of a utopian society is directly the idea of a social order, which is formed on the basis of scientific

knowledge embodying instrumental reason. The study of man, societies, and natural phenomena allows the authors of utopias to offer a more rationally organized, ordered, from their point of view, social world that provides satisfaction of the needs of both the individual and society. The social order based on scientific knowledge is conceived by the authors of utopias as a marker of civilization, thanks to which the utopian society as another ('alien') social order is endowed with positive characteristics. The authors believe that the construction of the utopian 'social' takes place within a closed network in space and time, which prevents the threat of the collapse of order, isolating cultural influence from the outside, as well as guaranteeing the immutability/stability of a given algorithm of social relations in a chronological perspective. The authors identify the functioning in utopias of the regime of everyday life reproduction, excluding mobilization, orienting the inhabitants of utopia on the values of everyday work, moderation and harmony. The article shows that the construction of a society based on scientific knowledge determines the features of social stratification in the form of a meritocracy of knowledge legitimized by natural religion. The authors believe that the 'assembly of the social' based on egalitarian principles extends mainly to economic processes, while the public sphere is designated in the form of an aristocracy of intellectual labor. The expert community carries out total regulation of the activities of archaic/primitive by nature social institutions. The authors think of the collected models of utopian society as universal, potentially suitable for all communities experiencing problems with building a social order.

Keywords: utopia, social order, scientific knowledge, construction of society, social ideal, social engineering.

Библиографическое описание для цитирования:

Козлова Н.Н., Рассадин С.В. Европейские утопии XVII века: в поисках моделей социального порядка // Идеи и идеалы. – 2024. – Т. 16, № 1, ч. 1. – С. 129–144. – DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.1-129-144.

Kozlova N., Rassadin S. European Utopias of the XVII Century: In Search of Models of Social Order. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2024, vol. 16, iss. 1, pt. 1, pp. 129–144. DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.1-129-144.

Введение

Социальное конструирование мира связано с осмыслением общественных явлений, результатом которого является концепт, отражающий структурирование социума под определенным углом зрения. Этот концепт в социально-гуманитарном знании принято обозначать понятием «социальный конструкт» [12, 26]. Исследовательский интерес к такому социальному конструкту как утопия с момента его появления вызван значительными эвристическим, ценностным/духовным, критическим/рефлексивным и практическим потенциалами утопий, парадоксальностью, новизной, оригинальностью разработанных мыслителями социальных проектов, в которых отразились поиски лучших моделей социального порядка.

Представители социогуманитарного знания, изучающие утопии, высоко оценивают их роль в процессе эволюции общественного сознания, социальных практик и цивилизации в целом [1, 4, 33, 35]. В социальной философии сложилась исследовательская традиция изучения влияния теоретических моделей построения общества на социальную жизнь [27, с. 4], в рамках которой артикулируется мнение, что каждая концепция общества «предлагает свой вариант ответа на вопрос о природе социального порядка и реализует в своем методологическом аппарате определенное видение этого порядка» [15, с. 65]. Как правило, исследователи рассматривают утопии как воплощение «идеального социального порядка, отражающего культурную специфику мировосприятия как индивида, так и общества в целом» [25, с. 21]. Представители академического сообщества эксплицировали структуру, коды, признаки, особенности утопий, созданных в различных временных и локальных контекстах, провели демаркационную линию между утопиями и близкими по природе явлениями, такими как миф, идеология и литературное творчество, в рамках различных теоретико-методологических оснований [2, 7, 20, 29, 31, 32, 34].

Среди наиболее важных качеств утопии философы отмечают замкнутость/изоляция общества, плюралистичное видение общественных идеалов, тотальную регламентацию жизни, антиисторизм, убежденность в том, что проблемы общества можно решить с помощью одной универсальной схемы правильного воспитания людей, бегство от несправедливости и сложности современного мира [28, 30]. Эксперты отмечают, что «основным принципом как индивидуальной нравственности, так и социального порядка» в утопиях является «жизнь, согласная с велениями природы» [8, с. 21]. С точки зрения Р. Дарендорфа, утопии – это общества, в которых отсутствует социальная динамика, образ будущего [10, с. 331]. Эксперты характеризуют утопии «застывшим», «плоским миром» [23, с. 609]. Н. Луман рассматривает утопии в контексте системы парадоксальной самореференции, которая вскрывает видимость данного социального порядка [19, с. 197]. Исследователи отмечают значительную роль утопии в развитии социологического воображения/теории, поскольку конструируемый мыслителями-утопистами социальный порядок является результатом научного размышления о специфике социального [11]. Выявляя зеркальную природу утопий в рамках концепций «Другого», теорий идентичности, эксперты подчеркивают, что утопический порядок не может реализоваться в рамках существующей реальности [14].

С нашей точки зрения, значительным эвристическим потенциалом при анализе утопий обладает акторно-сетевая теория (далее – АСТ). Б. Латур определяет социальное «не как отдельную область или особый тип вещей, а лишь как очень своеобразный процесс переустановления связей и пе-

ресборки» [17, с. 18]. Будучи объектом конструирования, общество предстает как определенный социальный порядок со своей точкой сборки. В рамках различных социально-философских и социологических исследовательских традиций ученые стремятся выявить условия (вос)производства социального порядка. Поэтому закономерно рассматривать утопии как специфическую форму социального знания, авторы которого занимаются преимущественно не описанием социального, а его конструированием. Поскольку утопия представляет собой общество, которого нет, то абрис социального порядка исходит от субъекта, не включенного в социально-культурную среду предлагаемой им модели общества. Это позволяет (что важно с точки зрения АСТ) проследить внутреннюю логику формирования социальных связей, выявить тот клей, который соединяет воедино множество «других типов соединителей» [17, с. 16]. Экспликация данных связей, поиск точек «сопряжения» актуальных социальных идеалов и рефлексивно конструируемых в герметичной среде утопий моделей социального порядка путем ретроспективного анализа создаваемых в европейской социальной мысли моделей рационального устройства общества помогут определить пределы инструментального разума в переустройстве реального социального бытия. Наличные общественные пертурбации демонстрируют в том числе невозможность «перекраивания» различных обществ путем наложения на них одного социального проекта западного типа, что, в свою очередь, свидетельствует о наличии неучитываемых элементов в проектируемом «социальном». Нестыковка «воображаемого» идеального общественного порядка в утопии и очевидного сбоя реальной «сборки» «социального» при попытке воплощения социальных идеалов в жизнь приводит к проявлению эвристического затруднения социальной рефлексии, нуждающемуся в теоретическом объяснении.

Утопия как другое «социальное»

Исследование «Утопии» Т. Мора позволило нам сделать вывод, что конструирование общества определяется антропологическими взглядами автора. Он предлагает новую трактовку смысла человеческой жизни и социального назначения личности [22]. Объектом исследования в настоящей статье являются европейские утопии XVII века – «Город солнца» Т. Кампанеллы, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона, «Иной свет, или Государства и империи Луны» С. де Бержерака, «Истории севарамбов» Д. Вераса. Цель статьи заключается в том, чтобы выявить точки сборки «социального», то, как конструируется сеть социальных отношений между акторами в данных утопических проектах. Целесообразно рассматривать конструирование утопий XVII века в историческом контексте, который складывался под влиянием таких социальных феноменов, как Великие географические

открытия, генезис колониального порядка, рост научных знаний и прочее, т. е. в рамках расширения горизонтов социального, требующего переосмысления порядка сборки общества. Как отмечает Б. Латур, если «общий проект того, что, как предполагается, мы делаем вместе, подвергается сомнению», то «наступил кризис самого чувства принадлежности» [17, с. 18]. С нашей точки зрения, авторы утопий, безусловно, переживали кризис идентичности. Рассматривая утопическое общество как другое «социальное», важно отметить, что мыслители-утописты свои проекты альтернативной «чужой» социальной реальности характеризовали позитивно, в то время как «свое» общественное устройство наделяли отрицательными чертами. Бинарная оппозиция «свой – чужой», в рамках которой с позиций конструктивизма протекает процесс идентификации индивида [21], оказывается перевернутой – авторы утопий солидаризируются с нормативно-ценностным порядком проектируемых ими обществ. Д. Верас так характеризует жизнь в стране севарамбов: «В конце концов, если подумать о счастье этого народа, то придется признать, что оно настолько совершенно, насколько это возможно на этом свете, и что все остальные народы несчастны по сравнению с этим» [6, с. 294–295]. Один из героев утопии С. де Бержерака объясняет, почему он предпочитает жить в одном из государств Луны: «Я здесь потому, что тут люди любят правду» [3, с. 267].

По нашему мнению, ключевой точкой сборки утопического общества является идея порядка, вернее, лучшего порядка, т. е. гиперупорядоченного общества. Этот порядок гарантирует основные ценности, такие как справедливость, достаток, равенство, свободу. Сборка проектируемых утопистами XVII века социальных порядков происходит посредством соединения «старых» социальных элементов – семьи и производства и «новых» – науки и техники. Сборка элементов происходит в рамках замкнутой (островной) сети, которая предотвращает угрозу распада порядка, изолируя влияние извне. Город Солнца, страна севарамбов, государства Луны, Новая Атлантида отрезаны от остального мира и хорошо укреплены. «Существование нашей страны мы храним в тайне», – сообщает управитель острова Бенсалема [5, с. 232].

В основе идеи социального порядка лежит знание основателя/правителя общества о правильном устройстве общества. «Обладая благоразумием и необыкновенной мудростью, он стал изыскивать и внимательно изучать причины раздоров, войн и других бед, которые обычно омрачают жизнь людей и приводят в уныние народы и нации», – пишет Д. Верас о правителе страны севарамбов Севариасе [6, с. 258]. Таким образом, реформы, предполагающие составление проекта социального порядка, являются продуктом интеллектуальной мысли, полученным в результате исследования исторически известных обществ. Поэтому в утопических проектах XVII века наука стано-

вится одной из точек сборки социального порядка, воплощая деятельность инструментального разума. Как отмечают исследователи, в данных утопиях не только возрастает статус знания в социальной системе, но и сама «утопия становится более логоцентричной» [16, с. 14]. Новый социальный порядок функционирует в предварительно продуманной упорядоченной конструируемой городской/сельской среде, в которой отражены правильная геометрия линий, регулярность, единообразие в сочетании с красотой. Т. Кампанелла, Д. Верас, Ф. Бэкон подчеркивают эстетичность пространства для жизни, которая отражает общественную гармонию.

Роль науки в утопии

В наиболее яркой форме роль науки представлена в произведении Ф. Бэкона «Новая Атлантида». Центральным институтом общества на острове Бенсалем является «Соломонов Дом», представляющий сообщество из 36 ученых. Цель «Соломонова Дома» – «познание причин и скрытых сил всех вещей и расширение власти человека над природою, покуда всё не станет для него возможным» [5, с. 224]. Исследователи творчества Ф. Бэкона полагают, что благодаря подробному описанию лабораторий он создал эскиз Академии наук, чтобы «спустить науку “с неба на землю”, объединив ее не столько с философией и теологией, сколько с практической деятельностью, ремеслом и промышленностью» [9, с. 158]. В понимании ученого наука изучает природу и использует ее достижения на благо человека, выполняя тем самым социокультурную функцию. Мыслитель передает науке руководящую и направляющую роль, называя «Дом Соломона» благороднейшим учреждением на земле, «служащим стране нашей путеводным светочем» [5, с. 212]. Ф. Бэкон показывает приносимую наукой пользу – производство продуктов в объеме, способном удовлетворить потребности жителей острова, улучшение качества данных продуктов, предупреждение стихийных бедствий, лечение болезней и пр.

Ученые осуществляют своего рода патронаж над обществом. Легитимность социальной миссии ученых придает не только утилитарный аспект их деятельности, но и сакральный характер знания, которое Ф. Бэкон рассматривает как дар Божий, поскольку исследователи посвящают себя «изучению творений господних» и «тайн их» [5, с. 212]. Д. Верас описывает технические достижения, существенно облегчающие труд человека, в основном в области сельского хозяйства и строительства [6, с. 205]. Утописты упоминают об экспедициях ученых в другие части света «для ознакомления с делами тех стран, куда они направляются, в особенности с науками, искусствами, производствами и изобретениями всего мира, и для доставки нам всевозможных книг, инструментов и образцов» [5, с. 213]. Религия, которая придает божественную санкцию социальному порядку в государ-

ствах Солнца и Луны, базируется не на божественном откровении, а на доводах разума, представляя собой естественную религию.

Синтез религии и науки, характерный для утопий XVII века, выступает в различных модификациях. В «Городе Солнца» институт главы государства совмещен с понтификатом, Верховный Метафизик одновременно является Первосвященником [13, с. 136–137]. Осуществляющая культовую деятельность группа жрецов одновременно занимается астрономическими наблюдениями, регулирует процесс воспроизводства населения. Правители севарамбов увлекаются естественными науками, изучают природные богатства и металлы [6, с. 281]. Ученые-священники города Солнца работают над проблемами евгеники, превращая, по словам Г.В. Суворова, человеческое общество «в идеальный конный завод» [24, с. 21]. Ученые выступают в роли «великих посвященных», носителей знания, которое необходимо тщательно оберегать. «И все мы даем клятвенное обязательство хранить в тайне те, которые решено не обнародовать; хотя из этих последних мы некоторые сообщаем государству, а некоторые – нет», – говорит один из членов «Соломонова Дома» [5, с. 233].

Помимо функции управления социальными процессами науке в утопиях XVII века доверена и культурная миссия. Общество аборигенов представляется автору «Истории севарамбов» недостаточно развитым по сравнению с европейскими странами, не имеющим знаний, функционирующим без артикулируемой модели социального порядка, а потому нуждающимся в заботе и опеке мудрого законодателя. Таким образом, Д. Верас конструирует проект общества, финансируемый колониальной идеологией на основе ценностей просвещения и патронажа, понимаемой автором в позитивном ключе. Общество в утопиях выступает в буквальном смысле «моделью для сборки», социум приобретает устойчивый социальный порядок, мыслимый авторами как признак цивилизованности, благодаря знанию, а не стихийной самоорганизации.

Основой, на которой возможно достижение целенаправленно выстроенного социального порядка, является признание утопистами общности человеческой природы при различии средств достижения целей: «У нас те же желания и цели в наших заботах об увеличении своего имущества для пользования жизненными благами, как и у них. Между ними и нами лишь та разница, что средства, которыми они пользуются для того, чтобы возвыситься, вполне законны и честны, в то время как мы сплошь и рядом доходим до низостей и преступлений, чтобы выкарабкаться из бедности и темноты» [6, с. 288]. Положение о единой человеческой природе позволяет авторам утопий, во-первых, рассматривать предлагаемые ими проекты обществ как универсальные; во-вторых, акцентировать внимание на методах социальной инженерии, которые, с позиций авторов, являются лучшими/правильными.

Весьма важным для «сборки социального» является утверждение авторов, что прикладная наука не только влияет на процесс производства тем, что увеличивает объем товаров для постоянно растущего населения страны, квалифицируемого мыслителями как один из признаков благополучия общества [6, с. 265], но и воздействует на процесс распределения. Значительное внимание авторы утопий XVII века уделяют процессу производства, которое отделяется от экономики домохозяйств, создавая прообраз будущих общественных мастерских, трудовых коммун. Однако наука способствует росту производства только в рамках определенного социального порядка, основанного на коммунистических/эгалитарных чертах. Д. Верас подробно описывает преобразование реформатором Севариасом примитивного общества: «Он (Севариас. – *Прим. авт.*) отменил право собственности, лишил его частных лиц и пожелал, чтобы все земли и народные богатства принадлежали исключительно государству» [6, с. 260].

Автор «Истории севарамбов» объясняет логику выбранной законодателем модели социального порядка несколькими факторами. Во-первых, стремлением реформатора обеспечить преемственность в развитии общества: законодателю «не стоило больших трудов заставить новых подданных принять его законы, ибо, будучи одобрены божеством, его законы к тому же немногим отличались от обычаев туземцев, ибо ... эти народы жили общинами и не имели почти никакой собственности» [6, с. 262]. Во-вторых, признанием природного равенства людей: «природа создала нас всех равными, не делая различия между дворянином и простолюдином» [6, с. 259]. В-третьих, моральной интерпретацией причин социальных конфликтов, которые вытекают из гордости, корыстолюбия и праздности людей, укорененных существованием наследственных сословий, богатством и частной собственностью [6, с. 259–260]. Ключевой критерий, который «позволяет отличать людей друг от друга, – это преимущества, вытекающие из добродетели» [6, с. 259].

В целом мораль в утопиях XVII века выполняет роль одного из основных конструктивных элементов, замыкая на себе и семейно-брачные отношения. Все авторы осуждают промискуитет, до- и внебрачные половые связи между мужчинами и женщинами, акцентируют внимание на важности сохранения надзора за воспроизводством населения со стороны семьи и государства. В «Новой Атлантиде» Бэкон описывает праздник семьи, посвященный отцу семейства, который породил «не менее тридцати живых детей» [5, с. 214]. Сопряжение сциентизма с социальной архаикой в произведениях утопистов оправдывается необходимостью подчинения общества евгенистическим законам и поддержанием социального порядка, «прозрачного» для контроля сверху правящей элитой. Совокупность социальных идеалов и принципов (сциентизм, эгалитаризм, этатизм и др.),

используемых для формулирования утопических социальных проектов XVII века, в то же время не направлена на реальное социальное проектирование и реформирование наличного общества. Утопические проекты «социального» еще не содержат конкретных инструментов социальной трансформации – ни политических, ни научных. Более того, в них самих устраняется даже гипотетическая возможность социальных изменений.

Декларируемая авторами «сборка социального» на основе эгалитарных принципов не является тотальной, а распространяется в первую очередь на экономические процессы. На наш взгляд, отказываясь от экономической дифференциации, порожденной частной собственностью, авторы утопий вынуждены конструировать неэкономические формы стратификации, символические, этакратические формы неравенства. В частности, во всех анализируемых утопиях сохраняется половозрастное разделение труда, гендерное неравенство («Самым большим достоинством женщины является любовь к мужу и воспитание нескольких детей родине» [6, с. 302]), сословие рабов и привилегированный правящий класс. В стране севарамбов должностным лицам закон разрешает «иметь больше жен, чем другим гражданам, и каждый из них имеет определенное число рабов. Обычно они имеют лучшие жилища, лучшее питание и одежду, чем частные лица, и все оказывают им почет и уважение, в зависимости от их положения» [6, с. 287]. Сочетание таких институтов, как народное собрание, совет и монарх, порождает смешанный характер политического строя, в котором основным управленческим классом становятся представители ученых-священников (в формулировке В.П. Волгина «аристократия умственного труда» [8, с. 34]), тогда как «тупицы умирают с голоду» [3, с. 276]. По утверждению Д. Вераса, образ правления в стране севарамбов – «монархический, деспотический и гелиократический» – представляет собой соединение «деспотической монархии с аристократией и демократией» [6, с. 284]. Важно подчеркнуть, что сфера «политического» весьма обширна в утопиях XVII века, несмотря на отсутствие социальных конфликтов в примитивном общественном порядке. На наш взгляд, данный парадокс объясняется приданием политической системе преимущественно функций целеполагания и контроля, тогда как функция согласования интересов различных групп в выстроенном авторами архаичном социальном порядке явно не артикулирована.

Необходимость социальной конструкции в виде просвещенной аристократии/монархии также детерминирована антропологическими взглядами авторов утопий. Признание ими врожденных склонностей человека как к пороку, так и к добродетели актуализирует совершенствование системы воспитания и образования людей на основе знаний под всесторонним наблюдением государства. «Покой и счастье народов заключаются в мире, но, чтобы сохранить его, нужно внимательно следить за чистотою нравов и в корне пресекать

пороки», – указывает Д. Верас [6, с. 273]. Для контроля нравственной жизни в обществе предусмотрены государственная система образования и институт исповеди [13, с. 177]. Одной из важных добродетелей в утопиях XVII века является умеренность, выраженная в гармоничном сочетании труда, отдыха, обучения, потребления, за организацию которых ответственно государство. Таким образом достигается счастье и благополучие жителей утопических стран.

Выводы

Итак, с позиций акторно-сетевой теории общество в утопиях в буквальном смысле выступает моделью для сборки, поскольку авторы текстов не интегрированы в социально-культурную среду предлагаемой ими модели общества. Анализ внутренней логики формирования социальных связей дает возможность сделать вывод, что авторы утопий XVII века конструируют проекты обществ, в которых решена проблема социального порядка. Точкой сборки является непосредственно идея социального порядка, который формируется на основе научного знания, воплощающего инструментальный разум. Исследование человека, обществ, природных явлений позволяет авторам утопий предложить более рационально организованный, упорядоченный, с их точки зрения, социальный мир, обеспечивающий удовлетворение потребностей как индивида, так и социума. Основанный на научном знании социальный порядок мыслится авторами как признак цивилизованности, благодаря чему утопическое общество, как другое («чужое») социальное, наделяется позитивными характеристиками.

Сборка элементов происходит в рамках замкнутой в пространстве сети. Замкнутость предотвращает угрозу распада порядка, изолируя культурное влияние извне и позволяя аккумулировать имеющиеся ресурсы не на военные нужды, а на созидание. Поскольку знание о правильном устройстве общества с точки зрения авторов утопии неизменно, то замкнутым является и время, соединяя настоящее и будущее. Утопии представляют собой законченный проект идеального общества, у которого нет будущего, так как оно уже наступило. Поэтому вопрос о социальной динамике в утопиях игнорируется; выражаясь языком К. Леви-Стросса, утопии можно квалифицировать как «холодные» общества», цель которых – «сделать так, чтобы порядок временной последовательности влиял настолько мало, насколько это возможно, на их содержание» [18, с. 155]. Сеть социальных отношений в утопиях функционирует в режиме воспроизводства повседневности, включающей мобилизационность с ее сверхзадачами, ориентируя жителей утопии на ценности повседневного труда, умеренности и гармонии.

Передача науке руководящей роли в управлении обществом определяет особенности социальной стратификации в виде меритократии знания, которая дополнительно легитимизируется естественной религией. Таким образом,

декларируемая авторами «сборка социального» на основе эгалитарных принципов распространяется в первую очередь на экономические процессы, тогда как в публичной сфере равенство понимается как открытость/доступность власти при наличии определенных интеллектуальных способностей. Экспертное сообщество осуществляет тотальную регламентацию деятельности архаических/примитивных по своему характеру социальных институтов. Собранные модели утопического общества их авторы мыслят как универсальные, потенциально пригодные для всех сообществ, испытывающих проблемы с построением социального порядка. Проведенный анализ утопий XVII века позволяет сделать вывод о том, что данные проекты обществ представляют собой промежуточный вариант между религиозной моделью (кляунийская община не является самодостаточной в силу отсутствия механизма репродукции, вливания членов извне) и эпохой Просвещения, ориентированной на реальные перемены (революции есть субъект перемен).

Теоретическая значимость проведенной работы заключается в том, что ее результаты помогают выявить специфику утопических дискурсов XVII века как своего рода теоретических инструментов социального познания, осуществляющих возможные варианты «пересборки социального» (Б. Латур) при помощи инструментального разума, через соединение набора социальных идеалов и принципов, с целью создания «правильного» общества с идеальным социальным порядком. Анализ работ утопистов демонстрирует начало рефлексивной работы по формированию фундаментального западноевропейского проекта Нового времени – проекта трансформации «социального», приведения его в желаемое «идеальное» состояние путем наложения социальных идеалов на существующую реальность.

Литература

1. Аинса Ф. Реконструкция утопии: эссе. – М.: Наследие, 1999. – 207 с.
2. Баталов Э.Я. В мире утопии: пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. – М.: Политиздат, 1989. – 319 с.
3. Бержефак С. де. Иной свет, или Государства и империи Луны / пер. Е. Гунста // Классическая утопия: сборник: переводы. – М.: АСТ, 2018. – С. 235–335.
4. Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. – М.: Прогресс, 1991. – С. 49–79.
5. Бэкон Ф. Новая Атлантида / пер. З. Александровой // Классическая утопия: сборник: переводы. – М.: АСТ, 2018. – С. 193–234.
6. Верас Д. История севарамбов / пер. фр. Е. Дмитриевой. – М.: АН СССР, 1956. – 317 с.
7. Волгин В.П. Историческое значение утопии // Мор Т. Утопия. – М.: АН СССР, 1953. – С. 6–28.
8. Волгин В.П. Французский утопист XVII в. // Верас Д. История севарамбов / пер. с фр. Е. Дмитриевой. – М.: АН СССР, 1956. – С. 5–49.

9. *Гайдено П.* «Новая Атлантида» – бэконовский проект Академии наук // *Культурология*. – 2013. – № 2 (65). – С. 154–158.
10. *Дарендорф Р.* Тропы из утопии. – М.: Практикс, 2002. – 536 с.
11. *Ерофеева М.А., Лебедева Н.Д.* К вопросу о социологической рефлексии: утопии и симметрия // *Социология власти*. – 2014. – № 4. – С. 38–57.
12. *Зуева Т.М., Шкилёва Е.М.* Методологические постулаты социального конструктивизма в анализе властных отношений // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – 2014. – № 3 (25). – С. 267–270.
13. *Кампанелла Т.* Город Солнца / пер. Ф. Петровского и А. Маленна // *Классическая утопия: сборник переводов*. – М.: АСТ, 2018. – С. 131–192.
14. *Клеес Г.* Утопия и утопизм: история осмысления понятий // *Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований*. – 2018. – Т. 3, №3. – С. 148–160. – DOI: 10.23683/2415-8852-2018-3-148-160.
15. *Корбут А.М.* Концепция конститутивного порядка в этнометодологии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2013. – Т. 16, № 2 (67). – С. 65–82.
16. *Кярова М.А.* Утопия: социальное содержание и функции: дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2005. – 146 с.
17. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. – 384 с.
18. *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и примеч. А.Б. Островского. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
19. *Ауман Н.* Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества / пер. с нем. А.Ф. Филиппова // *Социо-Логос: социология, антропология, метафизика*. – М.: Прогресс, 1991. – С. 194–218.
20. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. – М.: Юристъ, 1994. – 704 с.
21. *Поллюшкевич О.А.* «Свои» и «чужие»: социокультурные маркеры // *Дискуссия*. – 2011. – № 5. – С. 84–89.
22. *Рассадин С.В., Козлова Н.Н.* Утопия Т. Мора как способ конструирования общества: социально-философский анализ // *Знание. Понимание. Умение*. – 2022. – № 3. – С. 61–71. – DOI: 10.17805/zpu.2022.3.6.
23. *Словарь философских терминов / науч. ред. В.Г. Кузнецов*. – М.: Инфра-М, 2007. – 731 с.
24. *Суворов Г.В.* Проблема личности в контексте европейской утопии XVI–XVII вв. // *Вестник Вятского государственного университета*. – 2014. – № 9. – С. 15–25.
25. *Туркина В.Г., Антонова Е.А., Туркин К.Е.* Утопия как социальный и культурный регулятив в исторической динамике культуры // *Colloquium-journal*. – 2020. – № 28-2 (80). – С. 5–10. – DOI: 10.24412/2520-2480-2020-2880-5-10.
26. *Улановский А.М.* Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм: мир как интерпретация // *Вопросы психологии*. – 2009. – № 2. – С. 35–45.

27. Федотова В.Г. Социальное конструирование приемлемого для жизни общества // Вопросы философии. – 2003. – № 11. – С. 3–18.
28. Фролова И.В. Утопия: сущность и развитие: опыт социально-философской концептуализации: дис. ... д-ра филос. наук. – Уфа, 2005. – 355 с.
29. Чаликова В. Утопия рождается из утопии: эссе разных лет. – Лондон: Overseas Publ. Interchange, 1992. – 216 с.
30. Шацкий Е. Утопия и традиция. – М.: Прогресс, 1990. – 456 с.
31. Шестаков В.П. Понятие утопии и современные концепции утопического // Вопросы философии. – 1972. – № 8. – С. 151–158.
32. Шишулькин С.А. Онтологические и гносеологические основания социальной утопии: дис. ... канд. филос. наук. – Магнитогорск, 2004. – 129 с.
33. Harvey D.F. Spaces of Hope. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2000. – 293 p.
34. Mumford L. Utopia, the City and the Machine // Utopias and Utopian Thought / ed. by F.E. Manuel. – Boston: Beacon press, 1965. – P. 3–24.
35. Polak F. The Image of the Future. – Amsterdam; London; New York: Elsevier, 1973. – 320 p.

References

1. Ainsa F. *La Reconstruction de l'utopie: essai*. Paris, UNESCO / Éditions Arcantères, 1997 (Russ. ed.: Ainsa F. *Rekonstruktsiya utopii: esse*. Moscow, Nasledie Publ., 1999. 207 p.).
2. Batalov E.Ya. *V mire utopii: pyat' dialogov ob utopii, utopicheskom soznanii i utopicheskikh eksperimentakh* [In the World of Utopia: Five Dialogues about Utopia, Utopian Consciousness and Utopian Experiments]. Moscow: Politizdat Publ., 1989. 319 p.
3. Bergerac C. de. Inoi svet, ili Gosudarstva i imperii Luny [The Other World: Comical History of the States and Empires of the Moon]. *Klassicheskaya utopiya* [Classical Utopia]. Moscow, AST Publ., 2018, pp. 235–335. (In Russian).
4. Bloch E. Printsip nadezhdy [The principle of hope]. *Utopiya i utopicheskoe myshlenie* [Utopia and utopian thinking]. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 49–79. (In Russian).
5. Bacon F. Novaya Atlantida [New Atlantis]. *Klassicheskaya utopiya* [Classical Utopia]. Moscow, AST Publ., 2018, pp. 193–234. (In Russian).
6. Vairasse D. *Istoriya sevarambov* [History of the Sevarambians]. Moscow, AN SSSR Publ., 1956. 317 p. (In Russian).
7. Volgin V.P. Istoricheskoe znachenie utopii [Historical significance of utopia]. More T. *Utopiya* [Utopia]. Moscow, AN SSSR Publ., 1953, pp. 6–28.
8. Volgin V.P. Frantsuzskii utopist XVII v. [French Utopian of the XVII century]. Veiras D. *Istoriya sevarambov* [History of the Sevarambians]. Moscow, AN SSSR Publ., 1956, pp. 5–49.
9. Gaidenko P. «Novaya Atlantida» – bekonovskii proekt Akademii nauk [“New Atlantis” – the Bacon project of the Academy of Sciences]. *Kul'turologiya = Cultural Studies*, 2013, no. 2 (65), pp. 154–158.
10. Dahrendorf R. *Pfade aus utopia*. München, R. Piper, 1967 (Russ. ed.: Darendorf R. *Tropy iz utopii*. Moscow, Praxis Publ., 2002. 536 p.).

11. Erofeeva M.A., Lebedeva N.D. K voprosu o sotsiologicheskoi refleksii: utopii i simmetriya [Sociological reflection revisited: Utopias and Symmetry]. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power*, 2014, no. 4, pp. 38–57.
12. Zueva T.M., Shkilyova E.M. Metodologicheskie postulaty sotsial'nogo konstruktivizma v analize vlastnykh otnoshenii [Conceptual postulates of social constructivism applied in exploring power-holding relations]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l' = Historical and Social-Educational Idea*, 2014, no. 3 (25), pp. 267–270.
13. Campanella T. *Gorod Solntsa* [The City of the Sun]. *Klassicheskaya utopiya* [Classical Utopia]. Moscow, AST Publ., 2018, pp. 131–192. (In Russian).
14. Claey's G. Utopiya i utopizm: istoriya osmysleniya ponyatii [Utopia and Utopism: History of the concepts' understanding]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy = Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 2018, vol. 3, no. 3, pp. 148–160. DOI: 10.23683/2415-8852-2018-3-148-160.
15. Korbut A.M. Kontsepsiya konstitutivnogo poryadka v etnometodologii [The Concept of constitutive order in Ethnomethodology]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2013, vol. 16, no. 2 (67), pp. 65–82.
16. Kyarova M.A. *Utopiya: sotsial'noe sodержание i funktsii*. Diss. kand. filos. nauk [Utopia: social content and functions. PhD Diss. in Philosophy]. Nal'chik, 2005. 146 p.
17. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction To Actor-Network Theory*. Oxford, Oxford University Press, 2005 (Russ. ed.: Latur B. *Peresboraka sotsial'nogo: vvedenie v aktornostevnyy teoryu*. Moscow, HSE Publ., 2014. 384 p.).
18. Lévi-Strauss C. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 384 p. (In Russian).
19. Luhmann N. Tautologiya i paradoks v samoopisaniyakh sovremennogo obshchestva [Tautology and paradox in the self-descriptions of modern society]. *Sotsio-Logos: sotsiologiya, antropologiya, metafizika* [Socio-Logos: sociology, anthropology, metaphysics]. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 194–218. (In Russian).
20. Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time]. Moscow, Yurist Publ., 1994. 704 p. (In Russian).
21. Polyushkevich O.A. «Svoi» i «chuzhie»: sotsiokul'turnye markery [«Friends» and «Strangers»: socio-cultural markers]. *Diskussiya = Discussion*, 2011, no. 5, pp. 84–89.
22. Rassadin S.V., Kozlova N.N. Utopiya T. Mora kak sposob konstruirovaniya obshchestva: sotsial'no-filosofskii analiz [T. More's Utopia as a Way of constructing Society: socio-philosophical analysis]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2022, no. 3, pp. 61–71. DOI: 10.17805/zpu.2022.3.6.
23. Kuznetsov V.G., ed. *Slovar' filosofskikh terminov* [Dictionary of Philosophical Terms]. Moscow, Infra-M Publ., 2007. 731 p.
24. Suvorov G.V. Problema lichnosti v kontekste evropeiskoi utopii XVI–XVII vv. [Problem of Personality in the Context of the European Utopia of XVI–XVII centuries]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Herald of Vyatka State University*, 2014, no. 9, pp. 15–25.

25. Turkina V.G., Antonova E.L., Turkin K.E. Utopiya kak sotsial'nyi i kul'turnyi regulativ v istoricheskoi dinamike kul'tury [Utopia as a social and cultural Regulatory in the Historical Dynamics of Culture]. *Colloquium-journal*, 2020, no. 28-2 (80), pp. 5–10. DOI: 10.24412/2520-2480-2020-2880-5-10. (In Russian).
26. Ulanovskii A.M. Konstruktivizm, radikal'nyi konstruktivizm, sotsial'nyi konstruktivizm: mir kak interpretatsiya [Constructivism, Radical Constructivism, Social Constructionism: The World as Interpretation]. *Voprosy psibologii = Voprosy Psychologii*, 2009, no. 2, pp. 35–45.
27. Fedotova V.G. Sotsial'noe konstruirovaniye priemlegomogo dlya zhizni obshchestva [Social construction of life-valid Society]. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 2003, no. 11, pp. 3–18. (In Russian).
28. Frolova I.V. *Utopiya: sushchnost' i razvitiye: opyt sotsial'no-filosofskoi kontseptualizatsii*. Diss. dokt. filos. nauk [Utopia: essence and development: Experience of socio-philosophical conceptualization. PhD Diss. in Philosophy]. Ufa, 2005. 355 p.
29. Chalikova V. *Utopiya rozhdaetsya iz utopii: esse raznykh let* [Utopia is born by utopia]. Overseas Publ. Interchange, 1992. 216 p. (In Russian).
30. Szacki J. *Utopiya i traditsiya* [Utopia and tradition]. Moscow, Progress Publ., 1990. 456 p. (In Russian).
31. Shestakov V.P. Ponyatie utopii i sovremennyye kontseptsii utopicheskogo [The concept of utopia and modern concepts of utopian]. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 1972, no. 8, pp. 151–158. (In Russian).
32. Shishul'kin S.A. *Ontologicheskie i gnoseologicheskie osnovaniya sotsial'noi utopii*. Diss. kand. filos. nauk [Ontological and epistemological foundations of social utopia. PhD Diss. in Philosophy]. Magnitogorsk, 2004. 129 p.
33. Harvey D.F. *Spaces of Hope*. Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 2000. 293 p.
34. Mumford L. Utopia, the City and the Machine. *Utopias and Utopian Thought*. Ed. by F.E. Manuel. Boston, Beacon press, 1965, pp. 3–24.
35. Polak F. *The Image of the Future*. Amsterdam, London, New York, Elsevier, 1973. 320 p.

Статья поступила в редакцию 18.09.2023.

Статья прошла рецензирование 01.11.2023.

The article was received on 18.09.2023.

The article was reviewed on 01.11.2023.